

СПАСАТЕЛЬ

повесть

Игорь ПАНАСЕНКО

г. Апатиты
Мурманской области

*Вот и будет вдвоём веселее поэту и Богу...
Что за чудо — поэт, что за чудо — замызганный Бог...
На кладбище в ночи обнимаются двое убогих,
Не поймёшь по приметам, а кто же тут больше убог.*

Вениамин Блаженный

По плодам их узнаете их.
Матфея. 7:16

— **Б**огохульник! — он это не выкрикивает, а выдыхает, деловито и отстранённо, словно выполняет рутинную и не очень приятную, но важную работу. И так же деловито впечатывает кулак мне в живот. Мне полагается согнуться от боли и остановки дыхания, ослепнуть от искр в глазах. Но меня почти одновременно чувствительно лупят по почкам, болит всё, что может болеть, дыхания и так уже нет, а в глазах плавают не искры — солнца. Поэтому ни изображения креста, ни надписи «Православие или смерть» на его футболке я тоже не вижу.

Обрабатывают меня, наверное, в четыре руки. «Православие» спереди, ещё один сзади. Третий ухватил меня слева за бороду и удерживает на ногах, не даёт упасть и свернуться, чтобы хоть что-то прикрыть. Бороде тоже должно быть больно, но на общем фоне — всего лишь небольшая капля в океане.

Остальные руки не марают — эти точно из породы наблюдателей. Посмотреть, как других отделывают, — любимое занятие. А ещё они любят комментировать. Сейчас тоже кричат, орут и вопят — аж уши закладывает.

— Богохульник! — деловито повторяет «Православие».

— На кол его! — вопит женский голос справа.

— На костёр! — басят сзади.

— На кол! — упорствует женщина.

— На костёр! — настаивает бас.

— И повторять, повторять, повторять! — радуется неподалёку чей-то фальцет.

— Богохульник!

Голоса сливаются и колокольным эхом катаются в голове, там, внутри, в пустоте испуганно мечутся две мыслишки. Первая: «Когда же они меня наконец добьют?» И вторая: «Почему именно сейчас тебя нет рядом, Изя?»

Он появился в моей жизни неделю назад. Дело было вечером, делать — в полном соответствии с детским стишком — было нечего, я после трудов праведных готовился завалиться спать. Сидел себе тихо и расслабленно на картонке возле костерка, прислонившись спиной к старому полусаохшему тополю, прихлёбывал из честно заработанной дневными трудами чекушки дешёвую и, по правде говоря, отвратительную водку да прислушивался к себе, определяя момент, когда надо гасить огонь и заваливаться в уютную, обжитую за два года картонную конурку. Зимой там, конечно, бывало прохладно, а вот летом, как сейчас, — благодать. Место я себе для жизни облюбовал укромное, в самом дальнем углу кладбища, под чудом сохранившимися остатками каменной стены. Здесь не доставали ни соплеменники, тусующиеся на свалке через дорогу, ни кладбищенские сторожа, ни даже менты. Не ждал я никого и аж вздрогнул, когда сгущающиеся сумерки сказали:

— Мир дому сему.

Голос был чистый, молодой. И тот, кто вышел из мрака к костру, выглядел молодо, лет на тридцать. И к тому же чисто: аккуратная бородка, волосы хоть и длинные, но не спутанные и не засаленные, одет в чистую брезентуху, без заплаток. Кроссовки аккуратные, не то что мои лапти. Даже плотно набитый солдатский вещмешок — и тот чистый. Ну прямо белые одежды — был такой перестроечный роман о преследовании генетиков. Нет, ребята, российские бродяги такими чистыми не бывают. Мент под прикрытием, гадом буду.

— Проходи, — сказал я. Не нужны мне компаньоны, тем более такие.

Мент понял по-своему, присел к огню и принялся развязывать свой мешок.

— Проходи мимо! — я повысил голос, чтобы получилось поубедительней. И сказал, конечно, другими словами. До мента дошло — он ус-

тавился на меня. Мешок, правда, в покое не оставил, копошился в нём на ощупь — значит, не маскарадный реквизит, давно при нём. И взгляд у него оказался открытый и незащищённый, совсем не ментовский. Мне даже как-то не по себе стало. А он посмотрел-посмотрел да и сказал совсем уж неожиданное:

— Так ты что — даже и не закусишь за компанию?

При мысли о еде желудок перевернулся. Меня бы вывернуло прямо в костёр, если бы было чем. День оказался не очень удачным, на чекушку я денег раздобыл, а на закусь не хватило. По уму обойтись бы всухую, но с едой, да вот была у меня особая причина. Так что ужинном мне были два траченных чёрствых куска хлеба и карамелька, стыренные на могилах. Нехорошо покойников обирать, но всё равно достались бы воронам.

Мент — или всё-таки не мент? — посмотрел на мои гримасы, покачал головой и протянул мне толстый хлебный ломоть с не менее толстым куском сала. Всё свежее, и мягкое, и пахнущее так, что отказаться невозможно. Гость отвёл глаза на огонь, чтобы не смотреть, как я давлюсь, и неторопливо рассуждал:

— Правда, сейчас пост, да и вредно тебе жирное, но лучше так, чем совсем натошак пить. Всё меньше печень сажает.

Я спохватился и протянул ему чекушку — хоть и незванный гость, но на вежливость надо отвечать правильно. Гость выставил перед собой ладони:

— Я не пью.

Теперь я уставился на него квадратными глазами. Не потому даже, что непьющие мне встречались редко — знал всё же, что существуют такие, — а потому, что отказался он таким тоном, каким группу крови сообщают. Не укорял меня, не кичился своим трезвенничеством — просто объяснил ситуацию. Судорожно проглотив, я спросил:

— На службе, что ли?

— Вроде того, — не стал отпираться гость. Но тут же уточнил. — На работе.

— В органах?

— Нет, — гость радостно улыбнулся. Понял, что я про него подумал. — На вольных хлебах.

— Не понял, — честно признался я. — Какая такая работа?

— Спасатель я, — гость выудил из мешка су-харик, положил в рот и принялся неторопливо обсасывать.

— Эмчезник? — я и сам понял, что вопрос идиотский, а гость просто сделал вид, что не расслышал. Запутал он меня окончательно. — И кого спасаешь... в такое время?

— Заблудившихся.

— Ага...

Я приложился к чекушке, прикидывая, не предложит ли мне спасатель ещё что-нибудь на ужин. Вообще-то, можно уже и на боковую, вот ещё минуток пять...

— Зови меня Изя.

— А? — я проснулся и снова вылупился на гостя. — Ни разу не встречал бродячего еврея.

— Места надо знать, — улыбнулся Изя. — На самом деле по паспорту я Изяслав Осипович Назаров. Так что, если тебе Изя не нравится, зови Славиком.

— Да зовись как хочешь... — вторую часть переименованной поговорки я оставил при себе. Но Изя понял.

— Ты прав, в печку нам пока рановато.

Я поглядел на чекушку. Добавить или заначить на попозже? Ах, да...

— А меня здесь все Дрюней зовут.

— Дрюня... — протянул Изя, словно бы пробуя имя на вкус. — Дрюня... Андрей, значит. Хорошее имя. Святое, — он тихо рассмеялся. — Хотя ты больше на Николая Угодника похож. Лысый, бородатый и весь в красном.

Это он про мою куртку. Хорошая куртка, я её два года назад на свалке подобрал, перед самым переселением сюда. Почти новая тогда была. Толстая, лёгкая, от холода замечательно защищает. И от жары тоже — если не двигаться и голову капюшоном накрыть, можно спокойно сидеть на самом солнцепёке. Потому я и ношу её постоянно, за что меня ещё Санта-Клаусом кличут. Но это Изе знать пока необязательно.

— А рыбной ловлей ты промышляешь?

— Чего?

— Тут же речка рядом, — пояснил Изя. — Можно на ужин наловить. Сейчас поздно уже, а завтра попробуем, а?

— Ты откуда сюда пришёл? — спросил я этого горе-рыбака.

— Издалека.

— Оно и видно. Завтра сходи к реке, посмотри. Она вся химией загажена, если там чего и водится, то само уже ядовитое. Обедки со свалки и то полезнее для здоровья.

— О, — неподдельно огорчился Изя. Видать и правда рыбак. — А вообще ты когда-нибудь рыбу ловил?

— В детстве. С отцом. Тогда она ещё водилась.

— Вот и славно, — Изя удовлетворённо кивнул и ушёл в собственные мысли. Я опять начал клевать носом, да и костерок догорал уже. Пора, пожалуй.

Похоже, я пересидел. Нога затекла, я наступил на рядом лежавшие ветки, потерял равновесие и рухнул прямо на больную руку. Она-то и была одной из важных причин для выбора в пользу чекушки. Дня четыре назад я получил в руку мерзопакостную занозу, вытащить не смог, теперь она гноилась и болела дёргающей болью. Спать было невозможно. От водки начинала болеть печень, зато руку отпускало ровно настолько, что удавалось заснуть. А тут я на еле успокоенную болячку рухнул всем весом. Конечно же, заорал. Изя легко подхватился и терпеливо стоял рядом, пока я не закончил пространно объяснять мирозданию, что о нём думаю. Дождавшись, взял мою руку и внимательно осмотрел грязную тряпочку, которой я свою болячку повязал.

— Поранился?

— Заноза, — простонал я.

— Гниёт, значит, — сделал вывод Изя. Посмотрел на тёмное небо, на угли в костерке. — Сейчас темно, завтра утром посмотрю.

Я обнаружил, что сжимаю в здоровой руке ополовиненную чекушку. Молодец, вовремя и плотно закрыл, не пролилось ни капли. Я снова приложился, успокаивая руку.

— Ты вот что, — Изя пощёлкал ногтем по горлышку чекушки. — До утра всё не выпивай, оставь глотка полтора. Понадобится.

В другое время и в другом состоянии я бы его с такими указаниями послал. А сейчас молча выслушал и даже морально приготовился к исполнению.

— Спокойной ночи, — сказал Изя. — Я тут сам порядок наведу.

Они всё-таки повалили меня и теперь лу-

пят, лежачего. Настроены по-прежнему серьёзно и точно бы забили, но кто-то из троих — может, тот же «Православие» — сгоряча взгромоздился мне на плечи, придавив задом голову, и лупит со всей дури по почкам. Его колени крепко сжимают мои бока. Спасибо этому обалдую, он меня прикрыл максимально, для издевательств доступны только ноги и ягодицы. Руки я вовремя успел прижать к груди. Он плотный и тяжёлый, а пыли на дороге изрядный слой, и я глотаю её вместо воздуха, потому что поднять голову не в силах. Если эта гора костей и мяса не раздавит мне рёбра и не сломает позвоночник, я попросту задохнусь.

Мне плохо слышно сквозь чужую задницу, но обсуждение способов моего умерщвления продолжается. Позиции почти не поменялись:

- На кол!
- На костёр!
- Утоплю богохульника!
- И повторять!

Ну, что вы там телитесь?! Вы же опытные ребята, разойдитесь, дайте простор кому-нибудь одному, чтобы он меня умело и быстро прикончил! Ну, куда опять бьёшь, дурак? В пах хотел или в печень? Ну, ведь не попал же! А всё равно больно...

Похоже, Изя наводил порядок всю ночь. Когда я выполз наружу, на месте костерка был выложен из кирпичей натуральный очаг и на этом очаге грелась невесть откуда взявшаяся старая эмалированная кастрюля. Значенных для костра веток явно прибавилось. Место картонки под тополем занял аккуратный деревянный чурбачок, в самый раз высокий и широкий. Картонка, впрочем, тоже никуда не делась, Изя её хозяйственно прислонил к тополю. Рядышком стояли два пятилитровых пластиковых пузыря с водой. Сам Изя, бодрый и довольный жизнью, склонившись над очагом, помешивал в кастрюле металлической ложкой. Брезентовую куртку он снял, оставшись в сером свитере грубой вязки — «под Хэма», тоже, разумеется, чистом, как и всё у него.

— Доброе утро, — приветствовал он меня. — Как спалось?

Спалось неважно. Как обычно, под утро раз-

болелся зуб, бывший вторым аргументом в пользу чекушки. А поскольку я честно выполнил Изин наказ и полтора глотка не допил, да ещё вечером вынужден был лишний глоток сделать, то и промаялся больше обычного. Изя, взглянув на перекошенную морду лица, понял по-своему и сказал:

— Ничего, сейчас будем лечиться. У тебя в хозяйстве ножик есть?

— А у тебя? — я покосился на наглухо завязанный мешок.

— Это неприкосновенный запас, — предупредил Изя. — На крайний случай, когда времени нет. А так надо пользоваться тем, что Господь посылает.

— Оп-па, — я посмотрел на кастрюлю и ложку в руках у Изи. — Так это...

— Ну да. Всё здесь нашлось. Ага, — он подобрал лежащие у костерка тряпочки, тоже, видимо, посланные свыше, подхватил закипевшую кастрюлю, взболтал как следует и выплеснул в ближайšie кусты. — Теперь чистая, — Изя наполнил кастрюлю из пузыря и снова водрузил на огонь. — И вода тут недалеко. Насчёт реки ты прав, там даже мыться нельзя. А вот в колонке вода нормальная. Для питья кипятить, разумеется, надо.

Колонка была недалеко, в сотне метров. Значит, он туда ходил. Точно, волосы у Изи были ещё слегка влажные.

— Значит, нет ножика? Ладно... — Изя несколько не огорчился. Огляделся по сторонам, сделал пару шагов в сторону, нагнулся, поднял и радостно показал мне металлическую вилку. — Смотри, Господь опять послал чудо. Хорошая нержавейка. Сейчас мы из неё скальпель сделаем, — он подобрал обломок кирпича и принялся скоблить по нему вилкой, удобно пристроившись на чурбачке. — Ты пока сходи помойся.

Тащиться до колонки я, как обычно, поленился. До выгребной ямы, в совсем уж глухие кусты, конечно, дошёл, руки о лопухи вытер, пожалел, что росы нет, и вернулся. Изя продолжал сосредоточенно шкрябать вилкой по кирпичу.

— Понятно, — сказал он, быстро глянув на меня и не найдя отличий. — Повязку ты не менял и рану промыть не догадался. Вот потому и гниёт.

И опять в его тоне не было никакой укоризны. Только голые медицинские факты.

— Мне ещё долго, — продолжил Изя тем же медицинским тоном. — Можешь, разумеется, подождать так, ты сам себе хозяин. Но лучше помойся. Почувствуй себя человеком.

Я понял, что он, как настоящий мент, своего обязательно добьётся. Будет вот так спокойно и доброжелательно капать на мозги, пока не сдамся. Странно, я должен был озлиться, но никакого раздражения не было. Злиться на Изю почему-то совершенно невозможно, настолько он безобиден.

— Стой, — сказал Изя мне в спину. — Водку оставь. Целее будет.

А он оказался прав. Похоже, как всегда. Омыв морду, я почувствовал себя бодрее. И просветлённее мозгами. Повторив процедуру, понял, что это не просто хорошо, а очень даже здорово. Прополоскал как следует рот. зуб от холодной воды заныл, но как-то быстро успокоился.

— Смотри! — радостный Изя показал мне железку, в которой я опознал памятный по инженерно-паяльному прошлому режущий инструмент. Рядом — уже на земле, возле ног его — стояла парящая кастрюля. Кирпич Изя успел куда-то прибрать.

— Проверяем, — в руке Изи откуда ни возьмись оказалась пустая пластиковая поллитровка из-под газировки. Не иначе Господь послал. Изя повёл своим импровизированным скальпелем, крутанул бутылку в руке, и она легко распалась на две половины. — Вот, у нас и стакан имеется. Не гранёный, зато не разобьётся. И воронка нам, возможно, пригодится, — верхнюю половину поллитровки с горлышком Изя аккуратно пристроил к тополи, возле картонки. — А теперь садись, — показал он на чурбачок, — будем лечиться.

Он сам помог мне устроиться поудобнее, плотно прислонил спиной к тополи и дал очищенный от коры обломок ветки.

— Это зачем? — удивился я.

— Зажмёшь зубами. Крепко.

— Зачем?

— Делай что говорю.

Я смирился, а Изя принялся разматывать грязную повязку на руке.

— Уже смердит, чувствуешь?

Я чувствовал только запах своего тела да дымок костерка. Изя зачерпнул стаканом из кастрюли и плеснул на больное место. Я замычал. Заорал бы, да ветка во рту мешала.

— Терпи, это ещё не больно, — Изя оттирал грязь вокруг раны. Взял мою чекушку с остатками водки, капнул на кожу. Капнул на чистую тряпицу и протёр ею скальпель. — А вот теперь будет больно. Зажми крепче.

Когда хоровод солнц в глазах поредел, Изя уже сосредоточенно промывал рану, щедро поливая из стакана. Почему-то особо больно уже не было, так, слегка. Посчитав дело сделанным, Изя плеснул на рану из чекушки.

— Щиплет?

Я утвердительно помычал.

— Вот и славно, — Изя перевязал мне руку чистой тряпицей. — Вовремя мы это сделали. Ещё немного — и потерял бы руку. Это в лучшем случае, — он заглянул мне в лицо и расхохотался. — Ты сейчас похож на терьера, который держит добычу. Такой сосредоточенный...

Я достал изо рта ветку — оказывается, зажимал с такой силой, что почти перекусил.

— Почему на терьера?

— Тот тоже бородатый.

При взгляде на ветку заныл потревоженный зуб.

— Слушай, а ты зубы тоже можешь лечить?

— Ну, давай посмотрим, — легко согласился Изя.

Я разявил насколько мог пасть и показал пальцем. Изя изучал больного долго и придирчиво, сначала просто разглядывал со всех сторон, потом потрогал специально ради этого промытым пальцем, потом скальпелем, на промывку которого ушли последние капли из чекушки. Наконец отступился и сказал:

— Закрой.

— Ну?

— Не провоцируй на грубость, — Изя помолчал, что-то обдумывая. — Запустил ты зуб. Рвать надо. Только нечем сейчас. Ну ладно, это не смертельно. Придётся помяться.

Я разочарованно скривился.

— Ничего, — сказал Изя. — Перекусить перед трудами зуб тебе не помешает?

Ответ он прочитал на моём лице.

— Вот и славно. Пособирай ещё дров, пригодятся. А я тут займусь.

Когда Изя счёл, что дров в запас теперь достаточно, в кастрюле уже вовсю булькало что-то вкусное. Изя помешивал варево ложкой и подбрасывал в огонь мелкие веточки. Я не стал мешать проявлению инициативы и присел к своей конуре, прихватив от тополя привычную картонку.

— А скажи мне, Андрей, — начал Изя, продолжая показывать мне спину, — почему ты себя так не любишь? Если не секрет.

— Чего? — не понял я.

— Ты себя не любишь. Зуб запустил напрочь, руку... тьфу-тьфу-тьфу... Ты вообще когда в последний раз мылся? — Изя обернулся и уставился мне в глаза. — Что молчишь? Ты себя целенаправленно гробишь. Как в таком состоянии можно людей любить? Их же надо любить, и не просто любить! Я... — он вдруг запнулся, отвёл глаза и после секундного колебания скомканно закончил, — думаю, что тот, кого распяли... не зря говорил, что людей надо любить как самого себя.

Он отвернулся и преувеличенно внимательно занялся очагом.

— А за что мне их любить? И зачем?

— Андрей, ты не прав. Люди тебе нужны. Хотя бы просто потому, что ты им нужен.

— Кому я тут нужен? Скорей бы сдохнуть, — я поднялся, намереваясь уйти натошак, лишь бы это прекратилось.

— Успеешь, — Изя, захватив пальцами концы рукавов, поставил кастрюлю с очага на землю. — Кушать подано, садитесь жрать, пожалуйста. Хозяину первая очередь, — он протянул мне ложку. Просторные рукава свитера съехали, обнажив руки по локоть, и я разглядел у него на запястьях странные шрамы — словно кто-то гвозди в руки вбивал.

— Погоди, — я попытался схватить Изю за руку. — Это что у тебя?

Изя спрятал руки за спину.

— Не надо было тебе этого видеть.

— Я уже видел. Колись.

Изя вздохнул.

— Это пираты.

— Какие в наше время пираты?

— Сомалийские.

Я тупо хлопал глазами.

— Понятно, — сказал Изя. — Похоже, ты дальше свалки и кладбища ничего не знаешь. Короче, есть такие пираты, промышленуют в Аденском заливе. Это возле Африки.

— Ага, — так же тупо сказал я. — А ты что там делал?

— Я работал на морском спасателе. Они нас захватили. А это от кандалов.

Что-то он мне наврал. Про самих пиратов, может, и правда. А вот кандалы таких следов оставлять не должны. Да и зачем пиратам кандалы?

— И что дальше?

— Ну, ты же видишь, освободили. Господь мне чудо такое явил. Только меня успели записать в покойники и из списков благополучно вычеркнули. Так что я теперь вольный спасатель.

Я не заметил, когда они бросили меня обрабатывать. Похоже, отключился на какое-то время. Осознаю, что на мне никто не сидит и никто меня никуда не колотит. Поблизости малоразборчивое: «бу-бу-бу», — комментаторы, налим их заберите...

— ...и пусть себе лежит. Мало ли алкашей шляется. Встретились, подрались...

— Подохнет — туда и дорога.

— В ад. Прах к праху.

— Одним побирушкой меньше, прости Господи.

Бубнение удаляется и затихает. Я лежу неподвижно — вдруг оглянутся и заметят шевеление. Да и сил шевелиться — никаких. Болит, кажется, всё. Роба утопает в глубокой дорожной пыли, этой пылью забит рот. Там тоже что-то болит и, наверное, кровит, потому что пыль постепенно пропитывается влагой. Не знаю, чем я дышу, потому что нос тоже забит пылью по самое горло. Похоже, это финиш. Прах к праху. Не свидимся мы, Изя.

— Что за хрень? — спросил я у стены и кустов. Другими словами спросил, более доходчивыми. Кусты и стена не ответили, им пофиг. А мне было обидно. Во время дневных трудов по обшариванию помоек я нашёл очень хорошую ложку. Радовался, что теперь у каждого будет своя. А тут такой облом: кастрюлю с оставленной в ней ложкой в отсутствие хозяев нагло спёрли.

Загнали меня обратно в дикое состояние. Сучары-ба, вас бы так.

— А я думал, ты тихий, — сказал Изя. Я за обидой своей и не заметил, как он пришёл. Словно из воздуха соткался. — И в чём беда?

— Кастрюлю упёрли, гадюки! — я это другими словами сказал. — Нашу кастрюлю.

— Ну и ладно, — Изя ничуть не огорчился. — Туда, — он показал рукой вверх, — ты всё равно ничего из вещей и денег не возьмёшь. Я... — Изя неожиданно замер с приоткрытым ртом на пару секунд и скомкал фразу, — думаю, что тот, кого распяли... не зря это постоянно повторял.

— Козлы вонючие... — я никак не мог успокоиться.

— Кастрюля всё равно не наша, — продолжил увещевания Изя. — Господь дал, Господь взял. Видимо, кому-то она сейчас нужнее. И я рад, что Господь явил чудо не только нам. А нам он тоже чудо явил. Смотри, — он продемонстрировал мне большую, литра на полтора, эмалированную кружку. — Сейчас кашу сварим. Но сначала, пока светло, давай руку. И водку тоже давай, не прячь.

Я подчинился и даже рот с готовностью раскрыл, устроившись на чурбачке. Изя посмотрел на меня сверху и расхохотался. Правда, совершенно необходимо.

— Птенчик ты мой голодный... сейчас мамочка покормит, — он присел рядом, разложив на коленях запас чистых тряпочек и пристроив рядом мою чекушку да кружку с водой. — Закрой, сильно больно не будет.

И опять Изя оказался прав. Через пару минут он уже споро завязывал свежую повязку, а утреннюю, пропитанную кровью и сукровицей, бросил в костерок. Содержимое чекушки убыло на глоток.

— Вот так, — сказал Изя, зачем-то пристально глядя мне в глаза. — Уже подживает. Это хорошо. Через пару дней повязку можно будет снять.

Я дёрнулся было встать.

— Подожди, — Изя, правой рукой удерживая меня на чурбачке, левой надавил на мой правый бок. Аккуратно надавил, несильно, но печень возмутилась, и я вместе с ней. — Да-да. Пора тебе с палёной водкой завязывать. На свете есть более полезные для здоровья жидкости.

— С какой радости? — на самом деле я догадывался, с какой.

— Печень у тебя в хлам. Глаза жёлтые, как у гепатичика. Не поменяешь режим — загнёшься. Признавайся, давно пьёшь?

Надо сказать, что питейный стаж у меня изрядный, чуть меньше жизненного. Ещё мама рассказывала, как в нежном возрасте, года полтора от роду, на какой-то вечеринке, проходившей в саду, я ползал под деревьями и облизывал выпитые бутылки. Потом родители меня, конечно, блюли более пристально, и в следующий раз крепкий напиток я попробовал на выпускном вечере в школе. Что это было — не помню, наверное, какое-то сухое вино. Зато, поступив в столичный институт и удалившись от родительской опеки, исследованию винно-водочных изделий я предался со всей страстностью. В моём послужном списке есть и «мерзкое что-то, похожее на каберне» (так, строки ещё помню, а имя автора из мозгов вымыло), и разливное пиво (в металлических бидонах, потому что такого засилья полиэтиленовых пакетов, как сейчас, ещё не было), и грузинские «квадратные» (шестнадцать градусов спирта и шестнадцать процентов сахара) креплёные вина, и «Агдам» с «Тремя семёрками», и водка (которая в те благословенные времена ещё не была палёной), и гаванский ром, и разнообразные самодельные наливки, и коньяк однажды затесался, и «шило», и даже одеколон как-то пробовал. Парфюм с тех пор переносу с большим трудом. Несмотря на столь бурную жизнь, институт я окончил с почти красным дипломом — видимо, в силу молодости и пока ещё крепкого здоровья, не испорченного в детстве фастфудом и забугорными детскими смесями. Вернувшись же домой, влился в дружный научно-исследовательский коллектив. Лаборатория базировалась в отдельном домике и держала два компьютера, которые занимали каждый по залу в пятьдесят квадратов и назывались электронно-вычислительными машинами. Не было в те времена в русском языке слова «компьютер». В английском было, а в русском нет. Самое главное, что для поддержания этих электронных монстров в рабочем состоянии лаборатории полагалось невероятное количество

спирта. Само собой, монстров чистили более другими, гораздо менее съедобными жидкостями, а спирт живо употреблялся во время и после демонстраций на Первое мая и Седьмое ноября, а также в процессе долгоиграющих встреч Нового года. На банкеты по случаю защиты диссертаций в пивбаре (единственном на город и потому уточнению не подлежавшем) покупался бочонок пива, которое пили от пуза, а остатки разносили по домам всё теми же металлическими бидонами. Когда спирта с пивом вдруг не хватало, скидывались и отправляли в ближайший магазин «быстрого Гонзалеса», назначаемого по жребию. В общем, иллюзий в отношении своего будущего я не питал, был твёрдо уверен, что годам к тридцати пяти сопьюсь, получу инфаркт и буду упокоен где-нибудь здесь, неподалёку от кирпичных руин стены. Помешала перестройка.

По случаю объявления антиалкогольной кампании я принялся керосинить с такой интенсивностью, что через год мне это вдруг опротивело. Года три я не пил вообще, за это время успел жениться и прижить дочку. Потом начавшееся безобразие пустых магазинных полок, мотание с семьёй по съёмным квартирам, попреки жены в неумении выбить жильё, ссоры с родителями — всё это подвигло меня на снятие стресса извечным народным способом. Появление на свет младшей дочери меня не остановило. Знаменитый путч мы с коллегами праздновали неделю — как девятнадцатого августа начали, так только двадцать шестого под утро разошлись. С наступлением рынка, больше всего напоминавшего коммунально-квартирный базар, поводов для стресса только прибавилось. Кончилось тем, что сразу после вторичного объявления подушколищего президентом всея Руси меня тихо уволили по сокращению штатов. Пьяные инженеры-электронщики с дрожью в паяльнике никому были не нужны. Трезвые, впрочем, тоже. Я пытался устроиться в сторожа и после первой же ревизии был вытолкан взащей, спасибо, что не заставили погашать недостачу. Пытался разгружать вагоны, но для бывшего интеллектуала это оказалось не по силам. Ещё где-то с год я пил на деньги жены, училки-англичанки, бравшейся за дополнительные часы и за любой перевод, лишь бы в до-

ме что-то было. А потом, в неожиданный момент просветления, понял, что я в этом доме давно лишний, и ушёл навсегда в чём был.

Если бы я остался, то, наверное, больше года не протянул бы. А жизнь на свежем воздухе и вынужденное, от хронического безденежья, регулярное воздержание не только от выпивки, но и от еды, меня не то чтобы спасли, но задержали на этом берегу Леты. Обитатели свалки, куда я вскоре прибил, как-то быстро уходили — кто спивался, кто замерзал, кто просто исчезал в никуда, — я продолжал существовать и даже стал чем-то вроде местной достопримечательности. Мне прощались мелкие нарушения обычаев, делались облегчающие жизнь подношения, ко мне даже за советами ходили, как к бабе Ванге. И продолжалось это не помню уже сколько лет, пока очередное поколение соплеменников не стало меня раздражать. Очень уж шумные они стали и безбашенные, и таким же шумным, безбашенным и бесцеремонным оказался Толян, пожелавший стать в нашей стае главным. Именно «в стае» — Толян, похоже, в розовом своём детстве подвинулся на мультиках о Маугли. Тех ещё, советских. Регулярно цитировал заклинанье про единство крови и нёс ещё какую-то ахи-нею про закон джунглей. Он меня по-своему уважал, по крайней мере пакостей не делал, называл, по настроению — то Балу, то мудрейшим Каа. Себя же он числил Акелой и Шерханом одновременно и постоянно требовал ото всех признания его главенства. Меня это не устраивало, я не хотел быть ни первым, ни вторым, я хотел быть просто сам по себе. Поэтому плюнул и ушёл. Оно и к лучшему, наверное. Из достопримечательности я превратился в легенду, захаживать на свалку по личным надобностям Толян мне не мешал, при каждой встрече демонстрируя своё расположение и покровительство. На кладбище же меня вообще никто не трогал. Идеальное место для жизни.

Пёс его знает, зачем я всё это рассказал Изе. Он словно и не слушал: раскочегарил костерок, закипятил в кружке воду, сыпанул туда какую-то порционную кашу и сидел рядом на корточках, помешивая в кружке, кидал веточки, подливал из бутылки — в общем, был занят бытом. Даже не счёл нужным согнать меня с захваченного чурбачка. Но когда я закончил, подвёл итог:

– Богатая биография. Есть что вспомнить.

– Я знаю, что сам виноват. И отвали с поучениями.

– Поучать не буду, живи как хочешь. Только спасти тебя надо всерьёз. А то глупо как-то получается – руку вылечил, а всё равно на тот свет. А тебе туда рано.

– Изя, мы это уже проходили.

– Мимо, Андрей, мимо. Вот когда до тебя дойдёт – будем считать, что прошли окончательно.

– Ты мне так и не сказал, кому я тут нужен.

– Погляди на тополь.

Я закинул голову.

– Ну?

– Про баранки сам вспомнишь? Смотри внимательно.

– Что я должен увидеть, случара-ба?! – заорал я, попутно обнаруживая, что ору сверху вниз. Сам не заметил, как вскочил.

– О, правильный вопрос! – обрадовался Изя. Ради такого случая он даже голову ко мне повернул. – Смотри: тополь старый, засыхает. Но ещё живёт. А вон там, – он махнул рукой вдоль забора, – такой же примерно тополь, только весь высох уже. Знаешь почему?

Я пожал плечами. Изя снял с очага кружку с кашей, занял освободившийся чурбачок и с аппетитом заработал ложкой. Я терпеливо ждал. Изя ополовинил кружку и поглядел на меня снизу вверх.

– Стало быть, не знаешь. И знать не хочешь. И думать не хочешь. Тот тополь, – Изя опять показал рукой, – он одинокий. А у этого есть ты. Ты под ним сидишь, он тебе нужен, вот он и держится. И ты ему нужен, чтобы он дальше жил.

Я хмыкнул.

– И это всё? Один неодушевлённый тополь?

– Душа у всего есть, – серьёзно сказал Изя. – Один тополь – уже немало.

– А люди?

– Всё-таки хочешь быть нужным для людей. Это правильно, – Изя поднялся с чурбачка и стоял, глядя мне в глаза. – Здесь и сейчас ты нужен мне. Я ведь собирался тебя ужином накормить. Пожалуйста, – он вручил мне ещё горячую кружку и улыбнулся. – Кушай, птенчик.

Я было снова вскипел, но от его беззащит-

ной улыбки растаял окончательно. Невозможно было на Изю сердиться. Так, стоя и глупо улыбаясь в ответ, смолотил всё, что в кружке. От горячего заныл больной зуб. Неожиданно сильно заныл и от полоскания рта не успокоился. Я потянулся к чекушке, которую Изя никуда не припрятал, поставил открыто под тополем. Изя шлёпнул меня по руке.

– Оставь лекарство в покое. Пора о здоровье заботиться, пора.

Я обиженно зашипел.

– Зуб? – Изя потянул из-за ворота какую-то цепочку. Я ожидал увидеть крест, или магендовид, или даже полумесяц, но на цепочке обнаружился небольшой пузырёк тёмного стекла. Изя отковырнул пробку, капнул в стакан, долил воды, взболтал и протянул мне.

– Не пей. Прополощи рот как следует, особенно зуб. И не глотай, понял?

Я отшатнулся.

– Это что?

– Не бойся. Соль Мёртвого моря. Рассол.

Я осторожно влил жидкость в рот и начал двигать языком и щеками. Раствор, хоть и сильно разбавленный, оказался невыносимо горек, зубы свело. Больной занемел, как от новокаина. Я покорно работал языком, Изя рассказывал в пространство:

– Не совсем из Мёртвого моря, правда. Я собрал рассол, выпарил, а потом развёл водой из Иордана. Примерно то на то получается, других рек в Мёртвое море всё равно не впадает, но вода из святой реки, с места, где Иоанн крестил... того, кого распяли, – снова споткнулся он, – это дополнительное воздействие. Святая вода, можно сказать. Ну как?

Я подвигал губами и помычал.

– Достаточно. Плюйся.

– Слушай, – сказал я, с трудом шевеля потерявшими чувствительность губами, – ты случайно зубным врачом не работал?

– Наблюдал за работой, – Изя посмотрел на меня и усмехнулся. – Да не хлопочи лицом. До утра зуб тебя не побеспокоит. Проверено. Господь плохого не пошлёт.

– Крепкие у тебя капли.

– Это чтобы крепче спалось.

И не наврал ведь.

Времени нет. Света нет. Тьмы, впрочем, тоже нет — кто её распознает, без света-то. Есть бесконечная пульсирующая боль, она отдаётся в ушах эхом чьих-то шагов. Хотя кому здесь, в этом пустом безвременье, ходить. Нет, шаги приближаются. Сейчас подберёт меня местный собиратель заблудших душ и отнесёт в скупку. Если не прямо на свалку. Прах к праху, ведь так?

— Кто это тут бедствие терпит?

Я вскидываюсь. Потом понимаю, что мне это кажется — я неподвижен, бревно бревном, и один, хоть не в пустоте, а в дорожной пыли. Никого здесь нет. Но шаги продолжают звучать, и знакомый голос тоже:

— Прямая у тебя куртка, издали видать. Только место для лёжки всё равно неподходящее. Давай вставай, пойдём домой нормально отдохнуть.

Приблизившись, Изя ласково зовёт:

— Андре-ей!..

Я собираюсь с силами и выдавливаю из себя неопределённый звук — не мычание, не рычание, не сип. Он слышит.

— Живой — уже хорошо. Я тебя хоть немного, но уже знаю, ты ведь так просто где попало не ляжешь. Значит, точно терпишь бедствие. Сейчас помогу.

Он не то наклоняется надо мной, не то садится на корточки. Я слышу судорожный вдох.

— Хорошо тебя обработали... — произносит Изя совсем другим тоном. — Лежи, не шевелись.

Пальцы осторожно касаются моей лысины, затылка, проходят по шее, слегка нажимая на позвонки.

— Больно?

Я утробно мычу — утвердительно и отрицательно одновременно. Больно, конечно. Но Изя, кажется, о другом.

Он отпускает мою шею, нащупывает лоб и подбородок, бережно приподнимает голову, поворачивает слегка набок, подкладывает какую-то тряпицу. Я вижу свет. Больше не различаю ничего, потому что глаза так же забиты пылью. Текут, просто ручьём льются слёзы — не от боли, не от радости или облегчения, а просто потому, что свет.

— Ну, и что мнёшься? Раздевайся. Нечего красну девицу изображать. Тем более передо мной. Я много чего видел.

Он заставил меня помыться. Два дня капал на мозги. Я отбрыкивался как мог, но Изя был хоть и мягок, зато настойчив. И я сдался. Утром, только я успел вернуться от выгребной ямы, мы сделали две ходки до колонки и притащили в итоге восемь пузырей воды — сорок литров. А раздеваться я вдруг застеснялся. Причём не Изи почему-то, а непонятно кого. Хоть и укромный уголок, а всё же мало ли кто вдруг придёт.

— А давай вон туда, в кущи, — предложил Изя.

Кущами оказалась совсем уж уединённая полянка, под самой стеной, за такими густыми кустами, что и мы не сразу пролезли. Дальше отступать было некуда. Я скинул одежду, Изя принялся поливать меня из баллонов. Утро было прохладным, вода из колонки — вообще ледяной, я моментально замёрз, но покорно принимал душ. И это было невыразимо приятно. Правда, поначалу многомесячная грязь отходила плохо.

— Ты землицу возьми, намылся, — посоветовал Изя.

— Чего-чего? — обалдел я.

— Ты думаешь, зачем свинья в грязную лужу лезет?

— Чтобы мухи не доставали, наверное.

— Да, и для этого тоже. Но ещё и потому, что грязь к грязи. Когда эта корка отваливается, сходит вся грязь, какая была, и свинья чистая. Попробуй.

С землицей — вместо мыла — действительно пошло лучше. Даже вроде теплее стало.

— Ну вот, — удовлетворённо сказал Изя, вылив на меня последний пузырь. — С лёгким паром! — Отступил, полюбовался издали. — И с преображением. Ты теперь на апостола Павла похож — лысый, бородатый и чистый. В самый раз для белых одежд. Извини, белых нет, есть просто чистые.

В поисках этих одежд мы с ним позавчера полдня ходили по свалке. Я этого похода слегка опасался, готовился защитить Иziu от наскоков Толяна. Но Изя глянул на Толяна распахнутыми глазами, пожелал доброго здоровья и доброй охоты, и тот вдруг растаял, понёс обычную свою ахинею про единство крови и закон джунглей, назвал Иziu зорким Чилем и даже позвал к себе отметить встречу. Изя в ответ выставил ладони:

извини, во-первых, я не пью, а во-вторых, у нас срочное дело, вот в следующий раз обязательно. За эти полдня мы собрали полный комплект вполне пригодного белья и одежды, даже джемпер какой-то, почти целый, отыскался, и вчера Изя заставил меня всё это постирать. Теперь я облачался в чистые одежды, а он сортировал моё старьё. Когда я вышел к нему из куш, ветхое бельё уже тлело в костерке.

— Куртку не отдам, — сказал я. — Она хорошая.

— И не надо, — согласился Изя. — Ты только её как следует проветри. Один день без куртки походишь. Образ немного пострадает, но это не смертельно.

Он вывернул куртку наизнанку и пристроил на самом солнцепёке. На запашок сразу налетели мухи.

— Ты что? — возмутился я. — Упрут же!

— Господь сохранит, — сказал Изя.

— Ага. Сохранил он нашу кастрюлю.

— Так Он же нам взамен послал сосуд лучше, — Изя продемонстрировал почти новую трёхлитровую кастрюлю из нержавеющей стали. — Знак это был, — он наполнил блестящий сосуд остатками воды из пузыря и водрузил на очаг.

— Какой такой знак?

— Ну, например, что нельзя слишком сильно цепляться за вещи, — Изя поворошил пучком веток в очаге. — Или что не надо прекращать поиски лучшего, получив хорошее, — он аккуратно распределил ветки на расчищенном пространстве.

— То есть ты точно не знаешь?

— Разумеется. Господь же неисповедим. Мы можем только догадываться, доходить до всего своим умом. И тут каждый понимает по-своему.

— А Библия тогда — что? Там же написано... И этот... который заповеди придумал?

— Вот что придумал — это ты правильно сказал. А Библия... и не только, ещё Тора есть, Коран... Так вот, все священные книги написаны людьми.

— И там про то, как Бог творил, что думал и за что наказывал.

— Так, — Изя оторвался от костерка и посмотрел мне в глаза. — Начинаем сначала. Запомни — Господь никогда никому ничего открытым текстом не говорил. Не в Его правилах. Господь посылает знаки, а люди эти знаки истолковывают.

Каждый по-своему. Теперь понял? — и снова повернулся к костерку, не дожидаясь моего ответа.

Понять я, конечно, понял. И не поверил. Слишком уж всё просто выходило, так в жизни не бывает. Но Изю не переспорить, поэтому я смолчал и принялся обходить свою полянку дозором. Не стоять же столбом.

— Подай мне колбасу, — буднично сказал Изя.

— А? — я споткнулся на ровном месте.

— Колбасу. Будь добр. У тебя под левой рукой.

Четвертинка полукопчёной колбасы лежала на чурбачке под тополем. Рядом с коробкой порционной пшеничной каши. Я нагнулся, вручил колбасу Изю, он поблагодарил и принялся крошить её в закипающую кастрюлю. Тем самым самодельным скальпелем.

— Может, помочь чем?

— Дровами, — Изя, не поворачиваясь, крошил колбасу. — Или просто сядь и не маячь. Отвлекаешь.

Я обиделся и ушёл надолго. Минут на десять. Припёр с другого конца кладбища большую ветку, рухнувшую с того самого засохшего тополя. Брякнул её оземь. Изя, сосредоточенно помешивая ложкой в кастрюле, ни головы не повернул, ни ухом не повёл. Я с ненавистью уставился на блестящую железяку. Ну что за везунчик, а? Тут и в самом деле поверишь, что Господь посылает. Ему всё, а мне... А мне — Изя, неожиданно сообразил я. Он же не под себя гребёт, а всё сюда. Вон завтрак готовит, пока я тут дурью маюсь. А с какой такой радости? Ох, не люблю я бесплатного сыра.

— А скажи мне, Изя, какого рожна я тебе нужен?

Я это другими словами сказал. Чтобы сразу дошло. Изя понял.

— Хороший вопрос, — оценил он. — Правильный, — похвалил, значит. И только. Сделал вид, что булькающая на огне кастрюля интересует его больше всего.

— Слышь, Изя, — сказал я, не дождавшись ответа по существу. — Я за ради тебя никого убивать не буду. И грабить не буду. И чтобы просто поколотить, и обворовать, и обмануть...

— А не надо, — легко согласился Изя. — У тебя другое предназначение.

— Ты смотри, какой высокий штиль. Прямо Ельцин на танке. — Я примерно так и высказался.

— Ты не на слова смотри, — сказал Изя, продолжая помешивать в кастрюле, — а на то, что за словами.

— Не понял.

— Предназначение — слово действительно высокое. Только предназначения бывают разные. У кого-то — подвиг совершить, жизнь за спасение людей отдать. У кого-то — слово правды сказать. Это высокие предназначения. А бывают мелкие — например, соль кому-нибудь передать. Но это они для людей мелкие, а для мира всё важно.

— И ты взаправду в это веришь?

— Для мира всё важно, — повторил Изя, чтобы я не сомневался.

— Ты веришь, что у каждого есть предназначение?

— Мне не надо в это верить, потому что я знаю. Люди без предназначения мне ещё не встречались.

— И ты знаешь своё?

— Я же говорил, я спасатель, — Изя снял кастрюлю с очага и схватился за уши, остужая пальцы.

— Это твоя работа.

— Работа, — согласился Изя. — Потому что предназначение. Вот сейчас я тебя спасаю. Догадайся с трёх раз почему.

— Вот дятел... Я с этого и начал.

— Ты тоже зануден и настырен не в меру. Я тебе достаточно сказал, мог бы и сам подумать.

— Что-то тебе от меня надо, — сказал я обиженно. — А что — не пойму. На органы меня продавать поздно, а больше ничего при себе нет. Или я наследство получил, о котором не знаю? Большое хоть?

— Разучился ты думать, — вздохнул Изя. — Соображалка работает, но мысли мелкие. Смотри на вещи шире.

Я посмотрел: выщербленная кирпичная стена, под ней моя конура из картонной коробки от холодильника, укрепленная фанерой, крытая рубероидом. Заросшие кустами бесхозные могилы без крестов. Костерок с очагом на моей обжитой полянке, остывающая рядом кастрюля. Тополь полузасохший, под этим тополем Изя сидит на деревянном чурбачке, смотрит на меня. Я пожал плечами.

— Ладно, — сдался Изя. — Всё просто. Ты ещё

не выполнил своё предназначение. А уходить без этого нехорошо.

— И какое моё предназначение?

— Придёт время — сам узнаешь.

Нет, он точно дятел. Или болтун, сам ничего не знает, а строит тут из себя...

— А ну, колись, сучара-ба!

Изя легко поднялся с чурбачка, подал мне ложку и указал на кастрюлю. Я тут же прекратил щёлкать клювом. А Изя принялся ломать сначала моё бревно, потом заготовленные с вечера большие ветки.

— Знаешь, какая у людей в этом мире самая главная беда?

— Непонимание, — сказал я с набитым ртом. Выскочило из старого фильма: «Счастье — это когда тебя понимают». Беда — отсутствие счастья. Как-то так.

— Можешь же думать! — обрадовался Изя. — В правильном направлении. В правильном масштабе. Просто замечательно. Только это тоже следствие. А причина — нетерпение и нежелание думать. Хотят знать всё и сразу. Вот и получают ответы, к которым не готовы. Отсюда непонимание, — он с хрустом переломил о колено толстую палку и кинул обломки в общую кучу. — Так что, когда ты будешь готов — сам своё предназначение поймёшь. Всё очень просто.

Да, всё очень складно. И вкусно — это я об Изином вареве в кастрюле. Надо всё-таки и повару что-то оставить. Я поднялся, освобождая чурбачок. И тут меня ударило:

— Слушай, а если бы я уже исполнил своё предназначение, — ты меня сейчас всё равно спасал бы? Или опять скажешь, чтобы сам думал?

— Я скажу, что это будет очень простой ответ, — Изя снова сидел на чурбачке и глядел на меня снизу вверх. — Я не знаю.

— Как голова? — спрашивает Изя. Я мычу. Вряд ли он поймёт. Я и сам не понимаю, мычу просто в знак того, что слышу.

— Лежи, лежи, — успокаивает Изя. — Не надо двигаться.

Он начинает ошупывать мои ноги — так же бережно, как до этого шею. Я послушно лежу и моргаю. Из глаз льётся. Из носа тоже льётся, и вроде бы легче дышать становится. И кар-

тинка в глазах проступает, словно сотворение мира наблюдаю. Сначала небо отделяется от земли, потом я различаю на земле пыльную дорогу, на обочине которой валяюсь, траву на этой самой обочине, в отдалении лесок. По небу гуляют небольшие облачка, солнце щедро изливается на траву, лесок, дорогу и на лежащего меня.

Изя уже проверяет спину, залез мне под куртку. Проверяет тщательно, прощупывая каждый позвонок, каждое ребро. Мне больно и щекотно, я подёргиваюсь и булькаю.

— Тихо, тихо, — успокаивает Изя. — Всё хо-рошо.

Я стараюсь лежать тихо. К нам подходит собака, такая же бездомная, как и я, смотрит на наши с Изей странные занятия. Изя, дотошно прощупав плечи, убирает руки и выпрямляется, собака отскакивает в сторону.

— Можешь радоваться, — разрешает Изя. — Кости целы, внутренние органы, насколько я понимаю, тоже. Спасибо Господу, что он тебе такую куртку послал.

Собака, выслушав Изю, подходит и начинает вылизывать мне лицо.

— Молодец, Малька! — радуется Изя. — Лечи нашего больного. Так как голова? Не кружится? Я отрицательно мычу.

— Всякому чуду своё время, — сообщил Изя.

— Чего? — я клонул носом и проснулся.

Этот вечер у нас выдался не вполне обычным. Мы оба закончили день непривычно рано, даже солнце ещё стояло высоко. Не знаю, что подгоняло Изю, я же торопился проверить — сохранил вездесущий Господь мою куртку или не потрудился. К моему большому счастью — сохранил, так она себе и лежала на солнышке, покрытая мухами в несколько этажей. Эти мухи поначалу не желали разлетаться, зато прямо вскипели, когда я пуховик как следует встряхнул. Изя сменил мне повязку, удовлетворённо отметив, что завтра она уже вовсе не потребуется, а потом извлёк откуда-то тетрадь с карандашом, устроился на чурбачке и принялся что-то азартно строчить. Пошатвшись без дела минут пять, я сделал правильный вывод, что обязанности кашевара в этот раз возложены на меня. Получилось не

так вкусно, как у Изя, но быстрая лапша, приправленная томатным соусом, была вполне съедобна. По крайней мере для меня. А потом я поставил на огонь чайник, который Господь сегодня послал Изе. Всё время, пока я копошился вокруг костра и, не особо стесняясь, снимал пробу с лапши, Изя продолжал строчить в тетради, совершенно не обращая на меня внимания. Я совсем уж было хотел поинтересоваться, где Господь такие дары посылает, но понял, что Изя отшутится или намекнёт на неприкосновенный запас. Он и к лапше-то не сразу притронулся, только поблагодарил радостно. И на приглашение к чаю тоже сказал извиняющимся тоном:

— Спасибо, я чуть позже...

И продолжил свою писанину. Мои дела закончились, Изя был занят своими, вечер — тих, и я помаленьку начал было задрёмывать. И тут он меня разбудил.

— Чудо должно созреть для того, чтобы люди его увидели.

— Что-то ты чудеса меряешь как овощи. Господь не обидится?

— Он не обидчив. Но про овощи ты хорошо... Более правильно так — люди должны возвыситься до понимания чуда, чтобы его увидеть. Да?

— Ты вообще о чём?

— Я всё хожу и огорчаюсь, как много чудес остаются неуиденными и непонятыми. Ладно, обыденные чудеса, которые часто случаются, они просто примелькались, но ведь даже великие чудеса — и те порой остаются неоценёнными. Вот доказал Перельман гипотезу Пуанкаре или Уайлс — Великую теорему Ферма — это же великое чудо! Все, кто в Господа верует, должны бы неделю Его благодарить за эти великие прозрения. А оценили только математики.

— Кто кого доказал? — тупо спросил я. Часть фамилий была мне смутно знакома по прошлой жизни.

— Перельман.

— Это который «Занимательная физика»?

— Даже не внук. Я бы его к лику святых хоть сейчас причислил. Ты представляешь — он живёт, как раньше старцы-пустынники жили. Ну, почти как старцы, всё же не в ските, а в городской квартире. Но от миллиона долларов за доказательство отказался. Чтобы деньги думать не

мешали. Старцы ведь в пустыни уходили тоже затем, чтобы им суета мирская не мешала думать и прозревать.

— А он-то что прозрел?

— Господь послал ему прозрение — доказать всем, что мир на самом деле круглый. Сто лет никто не мог доказать, а Перельману Господь послал такой дар. Ведь чудо! А теорему Ферма вообще три с половиной века доказывали. Помнишь о чём?

— Про Пифагоровы штаны что-то? — с трудом припомнил я.

— Да. О том, что они только плоскими могут быть. Три с половиной века! Представляешь, какое великое прозрение? Какое чудо! А люди просто не заметили! Ещё три века пройдёт, пока оценят по-настоящему.

— А если нет?

— Вот и я боюсь, — горестно вздохнул Изя. — А ведь Господь сотворил человека, чтобы тот думал, — я в этом уверен. Иначе зачем же Он дал человеку разум?

— Чтобы славить и поклоняться, — предположил я.

— Для этого разум не нужен, — Изя снова вздохнул. — Даже вреден. Разумный человек нет-нет да и задумается. Засомневается, смысл понять захочет. А славить и поклоняться можно только бездумно.

— А если есть за что?

— «За что» — можно уважать и благодарить. А поклонение всегда слепо.

— Как любовь?

— Если ты про любовь к Господу, то я всю свою жизнь благодарен Ему за то, что Он сотворил меня. И не просто сотворил, но и не оставляет в пути, постоянно заботится, посылает мне чудеса в помощь. Если же о людях — они все создания Господа и хотя бы поэтому достойны любви. Я... — Изя едва заметно запнулся, — я ведь тебе уже говорил: людей надо любить как самого себя. Так возлюби!

Я поёжился. Хоть и в куртке был, а словно холодом потянуло.

— Что-то у меня от твоего «возлюби» картинки перед глазами нехорошие...

Изя вздохнул, потянулся к остывшему уже чайнику и плеснул в пластиковый стакан. Сделал медленный глоток.

— Есть такая притча. Пришёл как-то к ребёнок человек и сказал: «Ребе, научи меня понимать Тору. Она такая большая, я с какого места ни начну её читать, теряюсь в словах и мыслях. Скажи мне, что в Торе самое главное». И ребёнок ответил: «Не делай другим того, чего ты не хочешь, чтобы другие делали тебе». Вот суть Торы. Всё остальное — комментарии, — он сделал ещё один глоток. — Вот это и есть первая часть моего «возлюби».

— А вторая?

— Делай другим людям добро, какое ты хочешь, чтобы другие делали тебе. Но осторожно — помни о первой части.

— И это всё?

— Тебе мало? Знаешь, Андрей, великие мысли обычно очень просты. Для тех, кому Господь послал дар понимания. Да мы же об этом утром говорили.

— Про понимание? Помню. Ещё о том, что Бог непонятен.

— Неисповедим, Андрей! Не-ис-по-ве-дим!.. Ощущаешь разницу?

— Нет, — честно признался я.

Изя попытался долить стакан, обнаружил в чайнике пустоту и печально вздохнул.

— Господа можно понять. Если много думать. Потому что Господь никому ничего не объясняет. Он просто посылает знаки, которые люди обычно называют чудесами. Разумеется, если видят. А должны на самом деле не только видеть, но и думать об этих знаках. Чем больше людей думает — тем ближе всё человечество к пониманию Господа.

Теперь вздохнул я.

— Изя, я, наверное, дурак. Но объясни мне, почему у тебя чудеса случаются на каждом шагу и очень вовремя, а я ни одного не замечаю? Потому что я безбожник? Меня ведь в советской школе учили, и в институте — не Закон Божий был, а философия марксизма-ленинизма. Я теперь весь такой неправильный, что Бог на меня рукой махнул?

— Глупости. Господь же сохранил твою куртку. Почему ты это чудо не замечаешь? Господь одаряет ими всех в равной мере, надо только видеть. Времена ярмарочных чудес давно прошли. Ищи чудо в привычном. В обыденном. Сейчас Господь не будет превращать воду в вино, уст-

раивать мироточение икон или кормить толпу семью хлебами. Я тебе по секрету скажу, что и раньше этого на самом деле не было. Потому что иначе многие бы сразу уверовали.

— А что было на самом деле?

— Разное. Где-то просто совпадение, где-то шарлатанство. Выступила однажды на иконе капелька смолы сквозь краску или капнули случайно при заправке лампы, а потом предприимчивые дельцы принялись дырочки сверлить и масло сквозь них капать. А про семь хлебов... Это ведь Матфей всё записывал, а он записывал только то, что считал важным. И так, чтобы было понятно многим людям, без разъяснений. Матфей был поэт. И семь хлебов — это поэтический образ. Ёмкий, красивый, понятный многим. Но вот какое событие за ним на самом деле стоит, мы не знаем. И не узнаем, скорее всего, потому, что культурный контекст утрачен навсегда. Остались эпические записи, вроде пергамента Матфея, а все те тысячи мелочей, через которые только и можно этот эпос толковать, просеялись сквозь две тысячи лет. Как книжники, к примеру.

— Чего? — не понял я. — Книжные черви?

— Ну... можно и так сказать. Если бы ты читал записи Матфея, то обратил бы внимание, что там много резких высказываний против книжников.

— Против грамотных, что ли?

— Вот! — Изя повернулся и упёр в меня указательный палец. — Как много значит культурный контекст! Сейчас почти все так и понимают, что чтение книг и почерпнутые из них знания с истинной верой несовместимы. Что к вере можно прийти, только отбросив всё, что люди за века накопили и в книгах нам передали. Вместе с разумом. Но это же бред! Нельзя отбрасывать разум и знания, потому что они от Господа. А филиппики против книжников — не о том вовсе.

— А о чём?

Изя убрал палец и отстранился. Посмотрел на меня, катая в голове какую-то мысль.

— Как ты думаешь, сколько книг было в Иудее во времена Матфея?

А и в самом деле — сколько? Греки — те много чего написали. Римляне, по их примеру, тоже литературы не чуждались. А вот иудеи... Кроме Ветхого Завета да неизвестно где упоминавшие-

гося Льва бен Бецалеля (да и был ли он писателем?), ничего не припоминалось.

— Сто, — сказал я наобум.

Изя хмыкнул.

— Мимо. Сильно мимо. Подсказка: есть такое произведение с очень неоригинальным названием.

Я помотал головой. Сто лет ничего, кроме газетных обрывков, не читал. А в библиотеке — вообще неизвестно, сколько не был. Стоп. В библиотеке...

— Библия?

— Умница! — Изя расплылся в улыбке. — По-гречески — «Библия», по-русски — «Книга» — да, с большой буквы. А по-древнееврейски — «Тора». Формально Тора состоит из пяти книг. Вот их книжники и изучали. Да, грамотные были, без этого Книгу не прочитать. Но они настолько зациклились на тексте, что любое несовпадение с жизнью объявляли происками дьявола. Само собой, не в пользу жизни. А я... — он на мгновение замешкался, — полагаю, что тот, кого распяли, проповедовал вовсе не по Книге. Да и Матфей составлял свой собственный текст. А книжники-богословы ох и упёртые оказались! На Руси таких называли начётчиками. Одно слово не так сказал — моментально в ретики записывают, — Изя перевёл дыхание. — Хотя они по-своему тоже правы, сам видишь: всего одна маленькая деталь, а без неё запросто можно смысл написанного наизнанку вывернуть и таких дров наломать...

— И кто есть кто, и кто был кем, мы так и не узнаем, — брякнул я неожиданно для себя. Что-то со мной странное происходило в последние два дня, после того, как Изя вместо чекушки начал лечить мой зуб своим рассолом из Мёртвого моря. Сегодня я вдруг стал замечать в газонной траве цветы. Раньше только бутылки и монетки видел, не отвлекаясь на лишнее, а сегодня вдруг разглядел. И вообще в памяти начали всплывать какие-то странные картинки, а с языка сами собой вдруг срывались фразы, которые я сам не сразу понимал. Как вот сейчас.

— Здравствуйте, Владимир Семёнович, — Изя посмотрел в мои вылезшие из орбит глаза и радостно улыбнулся. — Всё нормально, Андрей. Просыпашься. Это правильно. Время быть собой.

Я похлопал глазами. Припомнил наконец песню. А дальше не осилил. Так я ему и сказал.

— Это ничего, — успокоил Изя. — Осилишь. В своё время.

— А научи меня чудеса замечать.

— У-у-у... Это сложно объяснить...

— А говорил, что всё просто.

— Это когда понимание есть.

— А у меня, значит, нет?

— Пока нет. Ты неправильный вопрос задал. В правильном уже содержится половина ответа, а твой — пустой-пустой... Попробуй ещё раз.

Я поскрёб в затылке. Не помогло. Поднялся с картонки и подкинул веток в затухающий костерок. Хотел было долить чайник, даже пузырёк с водой взял, но поленился. Изя молча наблюдал за мной. Ждал. Пнув бутылку, я пошёл к выгребной яме. Не то чтобы припёрло — захотелось от этого взгляда укрыться и подумать спокойно, одному. Не люблю, когда торопят.

Ничего я в своём уединении, конечно, не придумал. На обратном пути ещё и навернулся. У самого костра. Смотрел старательно на огонь, только бы с Изей взглядом не встретиться, и запнулся. И загремел. Хорошо, что башкой не в костёр и не на камень. Да и вообще стукнулся не сильно. Только шума наделал, обрушившись аккуратно в кучу веток.

— Андрей! — Изя привстал с чурбачка, весь в готовности спасать. — Ты цел?

— Не дождёшься!

Оказалось, что запнулся я о злосчастный пузырёк с водой. Сам виноват, бросил на дороге. Я наполнил-таки чайник и поставил на огонь, а бутылку отодвинул в сторону, от греха подальше. С чувством выполненного долга вернулся на свою картонку. И тут только сообразил:

— А что это было?

Изя непонимающе посмотрел на меня.

— Ну, навернулся я. Это чудо или как?

— Думаю, это знак. И ты его правильно понял. Доделал начатое.

— Ага... А если не пузырёк? Если бы его вообще не было? Вот иду я где-то и вдруг спотыкаюсь о камень. Это чудо или нет?

Изя засмеялся.

— Говорят, бывших офицеров не бывает. К учёным это тоже относится.

— А?

— Любишь ты всяких сферических коней в вакууме обсуждать. Здесь очень много всяких «если». Допустим, ты споткнулся и упал, а в это время рядом рухнуло дерево. Если бы ты не упал, оно бы тебя убило. Вот это чудо. Допустим, ты споткнулся, посмотрел под ноги и увидел что-то такое, что изменило твою жизнь. Ну, например, — он осмотрелся, — о, ложку нашёл. Тогда это был бы знак, а ложка — чудо.

— А если я просто дальше пошёл?

— Тогда это мог быть знак, который ты не заметил. Или вообще не знак.

— А как узнать?

— Заранее, что ли? — удивился Изя. — Никак. Вспомни — Господь неисповедим. Ты или правильно понял знак, или не понял, или посчитал знаком незначительное событие. А выясняется всё потом. Бывает, что и не выясняется, — он посмотрел на мою разочарованную физиономию и рассмеялся. — Да не переживай. Большинство обиденных чудес видно сразу. Куртка твоя хотя бы. Это Господь тебе большое чудо послал. Ты бы без пуховика зиму здесь не пережил.

— Пуховик — это вещь, — согласился я. — А необыденные чудеса как узнавать?

— Опыт, — сказал Изя. — Смотреть, думать, сопоставлять, делать выводы. День за днём, — он откинулся на чурбачке, прислонившись к тополю. — На самом деле и опыт не всегда помогает. Потому что опыт — это распознавание уже известного. А если надо понять что-то новое, ранее неизвестное, или что-то новое создать... — и замолк.

Я уставился Изе в глаза. Он молчал, не отводя взгляда. Когда я совсем был готов вскипеть и выкрикнуть гадость, Изя произнёс одно слово:

— Думай.

Я моментально остыл, устыдился и стал глядеть на огонь. Очень успокаивающее занятие. Вроде бы даже мозги подогревает. Но не думалось.

— Думай, — повторил Изя. — Вспоминай. Я уже говорил об этом.

Я честно, до звона в ушах, напрягся. Без толку. Пожал плечами.

— Ну, думай, — умоляюще попросил Изя. — Пожалуйста!

Я вдохнул и зажмурился. В башке — пусто —

хоть мячи катать, хоть камни, да и тех нет. Выдохнул и помотал головой.

— Эх, — грустно сказал Изя.

— Что, не тяну?

— Ты был очень близок... Я виноват, поторопился. Хотел, чтобы ты сам...

— Значит, не тяну.

— Когда перед человеком встаёт задача создать то, чего нигде никогда не существовало, Господь посылает чудо прозрения. И если человек готов принять это чудо, он постигает неизведанное и создаёт новое. Я это чудо считаю самым великим из всех чудес Господних. Знаешь почему? Потому что в прозрении рождается Слово.

Он так и сказал — «Слово». С большой буквы. К Господу с большой буквы я уже привык, а про слово он впервые.

— «Слово о полку...»?

Изя усмехнулся.

— В какой-то степени. Правду говорят про уста младенцев... А серьёзно — помнишь, с чего Великая Книга начинается? «В начале было Слово. И Слово было — Бог...»

— Ты же говорил, что все книги написаны людьми.

— Да, это истина людей. Людей, испытавших чудо прозрения. Прозрение рождает мысль, мысль облекается в Слово, Слово вызывает действие творения. Испытавшие прозрение — они творцы, они ближе всех к Господу.

— Не от мира сего?

— Странный ты экземпляр...

Я обернулся. Изя смотрел на меня сосредоточенно-оценивающе.

— Пыжишься, тужишься — и ничего разумного родить не можешь. А потом как скажешь не думая — и в точку, — Изя покачал головой.

— Да, их обычно так и воспринимают. Если как безобидного дурачка — ещё хорошо. А могут и вредным, психом посчитать, и опасным еретиком, подлежащим уничтожению. И только единицы получают признание вовремя. Хотя и не всегда — за сделанное.

— Непонимание? — я всё-таки начал соображать, куда он клонит.

— Трудности перевода. Знаешь, это сложно — найти слова, чтобы объяснить людям. Они-то всё понимают по-своему. Представь себе —

спустился с горы Моисей, показал народу скрижали и сказал: «Люди, это нам дал Господь». И очень многие тогда подумали, что Господь дал конкретно эти самые каменные плиты с буквами. Потому что они привыкли думать о предметах, а не об идеях. И тот, кто потом записывал, вынужден был под это понимание подстраиваться, даже если сам думал иначе. Так и пошло.

— А на самом деле всё по-другому?

— Разумеется, Господь Моисею никаких скрижалей не давал. Он послал прозрение, и Моисей сформулировал свои десять заповедей. И записал на том, что под рукой оказалось. И можешь себе представить, какой силы было прозрение, что он сумел изложить их немногими словами. Не убий, не укради, почитай родителей, око за око... Великие истины. Вроде очевидные, но пока Моисей их не оформил в слова, никто ведь об этом не задумывался.

— Слушай, — сказал я, — а мне про «око за око» говорили, что это неправильная заповедь. Типа призыв к мести, а всё должно быть по закону.

— Так Моисей-то как раз законы и выводил. Первый свод законов человеческого общежития. Он был первым юристом на земле. И в этой заповеди в шести словах сумел уместить сразу два важных юридических принципа — принцип неотвратимости наказания и принцип соразмерности наказания проступку... или преступлению. Око за око — не меньше, но и не больше. И зуб за зуб — заметь, не око, не руку и тем более не жизнь. Но зуб в целях воспитания надо взять.

— Взял бы ты мой зуб.

— Придёт время — возьму. А пока Господь велит тебе терпеть наказание за содеянное зло.

— Какое такое зло? — возмутился я.

— Я не знаю, — признался Изя, честно глядя мне в глаза. — Попробуй вспомнить. Возможно, зло было малым и ты даже сам тогда не понял, что это зло. Возможно, до сих пор не понимаешь. Посмотри на себя глазами тех, с кем говорил... или не пожелал говорить.

Всё-таки был в его речи намёк. А чего ещё ждать от компаньона, который понимает меня лучше меня самого? Конечно, я сразу подумал о жене. И о дочках тоже подумал. Представил, как они смотрели на невменяемого меня, что чувствовали и что пережили, когда я без объяв-

ления войны просто исчез в никуда. Я тогда по глупости считал, что облегчаю им жизнь, избавляю от своего непотребного присутствия. А если вдуматься — я их предал. Облегчал жизнь себе. Если бы действительно хотел сделать семье что-то хорошее — мог бы упереться рогом и завязать, найти хоть какую работу, хоть по дому что-нибудь полезное делать. А я ушёл... нет — уплыл по течению. И до сих пор плыву.

Мне вдруг страшно, почти до физической боли, захотелось увидеть моих родных женщин, о которых я столько лет не вспоминал. Какие они сейчас? Младшая тогда только-только в школу пошла. Ведь бывали у нас минуты счастья и взаимопонимания! Честное слово, бывали. Вот бы прийти к ним и сказать: «Родные мои, я виноват, и прощения мне нет, но просто знайте, что я помню о вас, я думаю о вас и мне больно за все гадости, что я вам сделал... и за всё хорошее, что мог, но не сделал». Какими словами сказать, чтобы поняли? Не надо прощения, понимания прошу. Ох, эти трудности перевода...

Я посочувствовал Матфею. Товарищ по несчастью, влип в похожую ситуацию. Ему тоже было что сказать людям, наверняка что-то очень важное, вот только как это сказать? Высокую идею без обёртки многие просто не поймут. Опускаться до уровня толпы — угробить саму идею. Поднять толпу до уровня идеи — невероятно сложно. Надо искать промежуточный уровень — чтобы и понятно, и поднимало. А если толпу при этом подзуживают и разогревают на драку... ну да, отморозки какие-нибудь. Толпу ещё надо успокоить, а то вообще слушать не будет...

— Изя, — сказал я. — По-моему, я знаю, что там было с семью хлебами.

— Я слушаю, — Изя подбросил в костерок пару веток.

— Ты вот сказал, что Матфей поэт. Так Иисус — тоже поэт.

— А... — разочарованно протянул Изя. — Высоцкий, разумеется, право имеет, он и сам поэт от Господа. Но повторять...

— Ну, пусть не поэт, — перебил я. — Но он же проповедовал. Слова людям говорил. Вот представь: пришла к нему толпа. Сердитая, кем-то науськанная. Может быть, хотели его побить или даже убить. А он сказал семь слов — и толпа успокоилась. Сказал ещё семь — они

ушли. Может, разошлись по домам. А кто-то, может быть, остался с Иисусом.

— Никогда не думал, что он об этом... — пробормotal Изя. Почему-то спохватившись, хлопнул себя по губам. — Что-то не очень понимаю. В этом есть какой-то смысл?

— Кто меня учил искать чудо в малом? — изумился я. — А это — не малое.

— Это чудо?

— Толпу легко завести. Заведённую толпу легко натравить на цель. А чтобы семью словами успокоить — это настоящее чудо. Ты сам говорил, что у Моисея было прозрение, когда он свои заповеди придумал и записал. Немногими словами — многое. Вот и у Иисуса случилось такое прозрение. Он нашёл эти нужные семь слов. Чудо?

— Андрей, — сказал Изя после минутного молчания, — можно я тебя поцелую?

Я шарахнулся.

— Нет-нет! — Изя воздел руки. — Я не об этом! — Он вдруг повалился передо мной на колени и склонил голову до земли. — Позволь хотя бы ногу поцеловать.

— Ты что?!

— Я не знаю, как ещё выразить тебе мою любовь. Да не дёргайся! — Изя голову от земли оторвал, но остался на коленях. — Да, я тебя люблю, уважаю и ценю! Потому что ты — думаешь! Ты не повторяешь чужие мысли, ты думаешь сам! Ты — Человек Думающий! Оба слова с большой буквы! Знаешь, как мало таких на земле?

— Места надо знать, — растерянно сказал я, вспомнив свою лабораторию. Пить мы были не дураки, но люди-то там подобрались все как один умные, думать обо всём на свете умели и любили это занятие.

— Всё равно мало! — Изя потряс руками, словно коктейль в большом шейкере смешивал. — А с тобой хорошо вместе думать. Ты мне теперь едино... нет, неправильно... сомышленник!

— Чего? — я совсем обалдел. Непривычен мне был Изя в таком заведённом состоянии. Не пришлось бы мне срочно свои семь слов искать. Впрочем, были у меня в запасе слова, успокаивающие многих.

— Вот, смотри: мы здесь сидим друг напротив друга. Молчим. Думаем. Каждый о своём, но

совместно. Значит, мы — сомышленники. Знаешь, как это великолепно, когда есть с кем вместе подумать?

— Ага... — думать я вообще-то всегда предпочитал в одиночку, но сама идея показалась интересной. Изя продолжал:

— Господь создал людей, чтобы они думали! Это высшее назначение людей, я же тогда... — он неожиданно зашёл в кашле и, отойдя, невпопад закончил, — очень рад, что с тобой встретился.

То ли от кашля, то ли ещё почему, глаза у него как-то подозрительно заблестели. Изя повернул лицо к небу и зашептал:

— Господи, сегодня Ты явил мне величайшее чудо, послав сомышленника. Я не знаю, как могу отблагодарить Тебя, но я с радостью отдаю свою жизнь, потому что испытал величайшее счастье.

На его оголившемся виске я разглядел какое-то тёмное пятно. Присмотревшись, понял, что это ожог в форме шестиконечной звезды.

— А говорил, что не еврей...

— А? — Изя спохватился, испуганно посмотрел на меня, волосы закрыли клеймо.

— У тебя вот здесь... — я показал.

— Во-первых, тебе я этого не говорил. А во-вторых, они бы этому всё равно не поверили.

— Кто «они»?

— Сомалийцы, — Изя задержался с ответом, и я понял, что правду он посчитал нужным мне не говорить. Изя это понимание, наверное, почувствовал и сказал:

— Блаженны алчущие правды, ибо насытятся.

— Насытятся? — переспросил я.

— Господи! — Изя звонко хлопнул себя по лбу. — Вот же ответ! Ай да Матфей, ай да сукин сын...

Изя бережно поправляет на мне куртку, бережно переворачивает меня на спину. Так же бережно приподнимает за плечи. Теперь я полулежу у него на коленях, почему-то вполоборота налево. Собака Малька — рыжая лайкообразная дворняжка, вся в клочьях вылинявшего, но не обтрусившегося пуха, лежит в двух шагах и внимательно наблюдает. В руках Изи плоская фляжка из нержавеющей стали. Он плещет себе на ладонь и мокрой ладонью протирает моё недоли-

занное Малькой лицо от остатков пыли и присохшей крови. Ещё и ещё. В ноздри ударяет запах спирта, я дёргаюсь и удивлённо мычу.

— Ш-ш-ш... — успокаивает меня Изя. — Всё правильно, это коньяк. Извини, воды под рукой нет.

Он откуда-то — да ясно, что из своего плотно набитого неприкосновенного мешка — извлекает стопочку из такой же нержавеющей стали, наполняет из фляжки и подносит к моим губам.

— Прополощи и сплюнь.

Я повинуюсь. Изя придерживает меня в скобоченном положении, чтобы я не замарал куртку. Выплюнув целый ком грязи, я исследую рот языком. Вроде бы всё на месте... хотя нет, не всё... Губы сами собой растягиваются в улыбке.

— Изя... они зуб... — ура, говорить получается без особых проблем. Губы, правда, распухли слегка, но это не страшно, — выбили...

— Один? — уточняет Изя. — Это тебе повезло, запросто могли больше.

Я ещё раз провожу языком. Пара зубов вроде пошатываются, но остальные на месте, а эти прирастут, никуда не денутся.

— Не... больной... который рвать... — я продолжаю глупо улыбаться. — Это чудо?

Изя облегчённо смеётся.

— Разными путями Господь творит чудеса. Иногда очень странными, — он переводит дух и спрашивает озабоченно. — Как голова? Не кружится? Не тошнит?

Я прислушиваюсь к себе.

— Не... больно...

— Это пройдёт, — обещает Изя. Он снова наполняет стопочку. — А это выпей.

— А можно?

— Сейчас — нужно.

Я глотаю, почти не чувствуя крепости. Только вкус.

— Какой...

— Благородный напиток, — Изя убирает фляжку. Превращение воды в вино состоялось. — Ну, как ощущения?

— Хорошо.

Коньяк греет изнутри, глушит боль, наполняет тело силой и голову ясностью. Я и не знал, что так бывает.

— А теперь встань.

— Что?

— Встань и иди. Ты должен это сделать сам.

После некоторых усилий я оказываюсь на четвереньках. Пробую подняться и опадаю обратно на руки. Лёгкая на подъём Малька припадает на передние лапы в намерении поиграть.

— Слушай, помоги...

— Не бойся, — властным тоном гипнотизёра говорит Изя. — Я здесь. Я рядом. Я не дам упасть. Но встать ты должен сам. И идти должен сам. Слышишь? Только сам, никто за тебя это не сделает. Встань и иди, — голос его колокольню звенит в ушах. — Ты можешь. Встань и иди!

Наутро его не было. На остывшем очаге мёрзла отмытая от остатков вчерашней еды кастрюля. Сиротливо стояли два пластиковых пузыря с водой — один полный, в другом — на доньшке. Я подумал, что и вечером их было два — надо полагать, испарившиеся шесть кому-то были нужнее. стакан стоял под тополем, из него выглядывала ложка. На чурбачке возлежала початая вечером коробка с порционной рисовой кашей. Под коробкой обнаружился исписанный карандашом тетрадный листок.

Почерк на листке был не каллиграфический, но чёткий и разборчивый — почерк человека, привыкшего много писать и предварительно хорошо обдумывать записываемое и произносимое.

«Дорогой сомышленник! Извини меня, если можешь, но я вынужден тебя покинуть. Это не значит, что я в тебе разочаровался, просто здесь и сейчас есть заблудившийся человек, которому моя помощь нужнее, чем тебе. Это моя работа, и я должен её сделать. А через несколько дней, как только смогу, я вернусь.

С тобой очень хорошо думать вместе. Я подумал про семь хлебов и, как мне кажется, нашёл ещё одно решение. Найди его сам, это тебе по силам. Матфей писал: дал ученикам, а ученики народу, и все насытились, и осталось семь корзин полных. Обрати внимание: осталось больше, чем было вначале. И вот тебе загадка в помощь: что из имеющегося у тебя умножается, когда ты этим делишься с другими?

Ты справишься без меня, я очень на это надеюсь. Я очень надеюсь на тебя, потому что скоро уже мне понадобится твоя помощь. И когда этот момент настанет, я хотел бы, чтобы ты был го-

тов к общению с Господом. Продолжай думать, как мы с тобой вместе думали вчера, — и ты придёшь к Нему. Твой путь будет труден, но тем радостней будет встреча. Не склоняй головы. Я очень надеюсь на тебя, Андрей. До скорого свидания. Твой сомышленник Изяслав».

Два дня я честно пытался думать. Голова к вечеру гудела и раскалывалась, внимание терялось, урожай бутылок и металлолома резко упал. А вот умных мыслей не прибавилось. Утром третьего дня, окончательно вскипев мозгами, я принял, как мог, холодный душ из двух имевшихся под рукой пузырей, проглотил голодную слюну и, поглаживая в кармане куртки специально отложенную сотню, направился в сторону церкви. С самым простым намерением: посмотреть, послушать, а если повезёт, то поговорить по душам со священником. Вдруг что умное посоветует.

До церкви от кладбища километров пять. Была церквушка и поближе, но эту я выбрал за расположение — слегка на отшибе, почти за городом, отчего там почти не было нищих, и вероятность быть заподозренным в попытке перейти кому-нибудь дорогу минимальна. Церковь старая, правда, её ещё перед войной разгромили и восстановили лет семь назад. Привычную побелку при этом зачем-то содрали, раскрасив строение чуть ли не во все цвета радуги — в подражание собору Василия Блаженного, что ли. Получилось, на мой взгляд, уродливо, предки белый силуэт не зря затевали.

У новодельной огады — столбики из декоративного кирпича и ажурная чугунная решётка, почему-то не с крестами или распятиями, а с двухголовыми петухами — отбывали повинность двое. Один показался знакомым, я ему помахал рукой, на всякий случай.

— Дрюня! — Налим нарисовался передо мной откуда ни возьмись, словно нуль-переход совершил. — Решил специальность поменять? А у нас без вступительных взносов никак. Очередь!

Налим крышевал всех окрестных нищих. Кликуха шла ему идеально — глаза навывкате, усики в уголках рта, да и сам он был какой-то скользкий, не ухватишь. И слишком уж чистенький и благополучный — явно не на свалке и не в подвале обретаётся. Выглядит лет на двадцать пять, не больше. Новое поколение

авторитетов, послетоляное, и, на мой взгляд, изначально гнилое. Ходить под такими — скорая смерть.

— Бог подаст. Вот разменяю полтинник... — я обошёл Налима и направился к воротам.

— Тю! — сказал он мне в спину. — И почём опиум для народа? — Я шёл к церкви почти строевым шагом, всей спиной выражая невосприимчивость. — А я недавно кореша твоего видел!

Я обернулся. Поздно — нет Налима, уплыл под свою корягу. Ладно, разберёмся без него, авось Изя сам скоро объявится.

Перед высоким крыльцом мне загородил дорогу какой-то плотно сбитый парень, возникший неведь откуда, секунду назад его и близко не было. На лице ноль эмоций, взгляд в упор — типичный профессиональный охранитель. Весь в чёрном — кроссовки, джинсы, футболка, лёгкая куртка из псевдокожи. Куртка нараспашку, поэтому странной формы изображение креста с надписью «Православие или смерть» на футболке видно без помех. Секунд пять мы глядели друг на друга — он на меня питбулем, я на него кроликом. Потом обнаружилось, что слева стоит ещё один такой же — чёрный, только с надписью «Я русский» на футболке. Пока я разглядывал этого, «Православие» исчез. А пока я озирался в недоумении, так же бесследно пропал и «Русский». И что им от меня было надо? Фейс-контроль, что ли?

Вся моя решимость испарилась без остатка, вслед за чёрными. Я топтался, не решаясь даже ногу поднять. Так бы и ушёл, если бы не проходившая мимо старушка. А может, не старушка ещё, кто её разберёт — вся в тёмном, платком по самые глаза повязана. И сказала совсем по-старушечьи:

— Шапку сыми, идол. В храм идёшь, не в кабак.

И проворно заковыляла по ступенькам.

Шапка — потрёпанный «петушок», с кривым изображением конопли и надписью «Asidad» — по случаю тёплого солнечного дня покоилась у меня в кармане. Я сдвинул на затылок капюшон, подставив лысину свету и воздуху, и поспешил за прихожанкой. Та неодобрительно смотрела на меня сверху вниз, а когда я вошёл на крыльцо, осадила:

— Куда прёшь? Перекрестись!

— А можно? — робость не проходила. — Я это... некрещёный...

— Может, и в Бога не веруешь?

— Не знаю...

— Тогда зачем идёшь?

— Узнать хочу.

— Веровать надо! — пригвоздила меня прихожанка. Перекрестилась в сторону иконы, висящей над дверью, и пошла внутрь. — Шляются тут всякие, прости Господи. Кругом грех...

Я потоптался, но перекреститься не решился. Поклонился низко и пошёл следом за прихожанкой — то ли старушкой, то ли ещё нет.

Внутри оказалось неожиданно много людей. Человек сорок толпились в невеликой прихожей у прилавка, выбирая свечки, иконки, крестики, цепочки, какие-то книжки карманного формата. Было тесно, очередь извивалась, заполняя почти всё пространство. Выбрав и расплатившись, прихожане крестились и проходили дальше, в глубь церкви, в большой центральный зал — там было просторнее, но и людей скопилось больше. Кто-то пришедший следом толкнул меня в спину и оттеснил в угол. Я совсем растерялся — такая толпа в мои планы никак не входила, мне бы с глазу на глаз поговорить, а тут священнику точно не до меня будет.

Внезапно очередь, не дожидаясь подхода к прилавку, сорвалась с места и утекла к остальным — что-то там происходило. Задержалась моя старушка-не старушка, что-то писавшая на листке, да бугай — этот покупал свечки, похоже, сколько рука захватит, а рука у него была большая. А потом я остался один на один с проворной, чем-то похожей на трясогузку бабушкой по ту сторону прилавка и протянул свою сотню.

— Тебе чего? — подозрительно поинтересовалась бабуся.

— Свечку, — булькнул я, тыкая пальцем в самую дешёвую.

Бабуся-трясогузка взяла купюру двумя пальцами за уголок, недоверчиво глянула на просвет и положила подальше от себя.

— Нету у меня сдачи, милок, — сказала фальшиво, глядя мимо меня. Я продолжал стоять столбом. — Сказано тебе — нету. Иди вон, там служба начинается.

Я сгрёб невостробованную сотню в карман, поклонился незнакомому бородавтому святому под потолком и проследовал за очередью. Меня оглушило, придавило, распластало. Давным-давно, в школьные времена, родители возили меня в Пушкин, вот там был такой же роскошный дворец. Или почти такой же — там по стенам далеко не божественные картины висели. А в остальном похоже — высоченный купол с изображением ангелов, многоярусные окна, позолота по стенам. Среди этой позолоты — иконы, над некоторыми висят лампы, под другими — шикарные позолоченные подсвечники. Я понял, что такое «поставить свечку». Больше всего золота и икон — впереди, целая стена, не капитальная, я увидел приоткрытую калитку, за которой тоже было какое-то затейливо обустроенное пространство. Перед стеной стоял священник — как в кино, в рясе, при бороде и кресте. Только в виденном мною кино попы обычно были дородными, пожилыми, глуповатыми и не очень опрятными, а этот выглядел аккуратно и молодо, если не юно, лишнего жира при себе не имел и глядел как будто с умом и пониманием. Чем-то неуловимо напоминал мне Изю. Пока рот не открыл.

— Господу помолимся, — пропел святой отец и пошёл скороговоркой-речитативом шпарить на непонятном языке. На очень старом русском — слова я по большей части узнавал, но извлечь из них смысл не получалось. Скороговорка пролетала мимо сознания, время от времени прерывалась распевным: «Господу помолимся», — и тогда люди вокруг дружно крестились, один я стоял, склонив голову. Священник, похоже, читал наизусть хорошо заученный текст. Мне оставалось только завидовать его магнитофонной памяти. Говорить же с ним расхотелось совершенно. Не получится из нас сомышленников. Я совсем было собрался тихо исчезнуть и больше не приходить никогда, потому что мне здесь не место. И тут неожиданно запел хор.

Для меня сразу перестали существовать и скороговорка священника, и бесполезные килограммы золота, оставалась только музыка. Хористы пели на том же старом русском, но могли бы и на латыни, и вообще без слов — смысл был в самой музыке. В школьные годы

я однажды раскопал у родителей пластинки с органной музыкой Баха — сейчас ощущение было похожее, только более сильное. Музыка призывала к любви, и не только святой Боже был в центре этой любви, но любой человек, оказавшийся рядом. Смотри, призывала музыка, открой глаза и смотри. Я посмотрел — и увидел. В самом дальнем углу я отчётливо видел небольшую деревянную скульптуру — фигура человека, распластанного по кресту. Несмотря на расстояние, я ясно различал лицо этого человека. Ему было очень больно, эта боль ясно читалась на лице, но взгляд был ясен и незащищён — как у Изю. Почувствуй эту боль, — говорила музыка, вспомни свою боль, почувствуй и подумай — хочешь ли ты причинить боль тем, кто рядом с тобой. Не спрашивай совета, пойми себя сам — человек ты или нелюдь, древний зверь гишу. Посмотри, как велико и светло небо над тобой.

Я посмотрел. В глаза ударило прострелившее окно солнце, в носу засвербило. Я отвернул лицо и задёргал носом, но не удержался, чихнул. Еле успел прикрыться, но шуму наделал.

— Ишь, припёрся, — зашипела на меня стоявшая слева тётка. — Молицца мешаешь, пьяница. Кыш отседова.

Я забормотал слова извинения и отодвинулся вправо. Хор, периодически прерываемый речитативами священника, продолжал петь. Я закрыл глаза, чтобы даже солнце не отвлекало, и отдался течению музыки. Странное состояние — словно земное притяжение отпустило, невесомость, свободный полёт, но без неприятных ощущений воздушной ямы. Меня несло выше и выше, к сиявшему вдали ясному огню, обещающему покой. Времени не существовало. Как в рассказах людей, переживших клиническую смерть.

Я очнулся, когда хор замолк и потянуло странным сладковатым дымком. На щеках было мокро, а в груди душно. Похоже, я и впрямь почти не дышал, словно к смерти готовился. Священник продолжал вещание на старорусском языке. Я глубоко вздохнул и, поперхнувшись, зашёлся в кашле.

— Прекратите! — строго потребовали сзади. — Пришли, так хоть людям не мешайте.

Я зажал рот обеими руками, но кашель не

проходил, каждая попытка удержаться вызывала новый приступ.

— Заткнись, попрошайка! — дама справа саданула меня локтем прямо в болезную печень. Я не выдержал и взвыл уже в голос. И не только взвыл, но и сказал пару ласковых. Все силы отдавал сдерживанию кашля и за языком вовремя не уследил.

— Ах ты, подонок! — дама возвысила голос, заглушив священника. А может, сам священник замолчал, перебитый нашими криками. — Я тебе покажу, как в храме выражаться! А ну вон отсюда, побродяга!

Я и сам понял, что пора делать ноги. Продолжая зажимать рот и сгибаясь, я начал пробираться к выходу. Что дальше случилось, я не понял. То ли наступил на развязавшийся шнурок, то ли ногу кто подставил. Я запнулся, проехался животом по дощатому полу и въехал головой под чью-то юбку. Прихожанка завизжала и, проворно отскочив, принялась объяснять, что я охальник и невежа, которому не место в храме и вообще возле Господа. Меня рывком подняли на ноги. Взгляд упёрся в изображение креста на чёрной ткани.

— Получай, паскуда! — «Православие» ткнул кулаком в глаз. Я бы упал, но меня уже крепко держали за руки. Наверное, «Русский» с кем-то ещё на пару.

— Что вы делаете? — выкрикнул кто-то. — Здесь же храм! Батюшка, скажите им!..

— Смотрите, он украл! — пока я тряс головой, «Православие» успел обшарить карманы куртки, нашёл там значенный стольник и теперь потрясал купюрой как знаменем. — Он в храме украл! Граждане, проверяйте кошельки!

— Послушайте...

Объясниться мне не дали. «Православие» ткнул кулаком в челюсть, во рту что-то хрустнуло. Кто-то крикнул:

— Покарать богохульника!

Меня поволокли наружу. Не оглядываясь на иконы, не кланаясь и не крестясь. Последнее, что я относительно отчётливо запомнил — растерянное лицо священника, замершего возле столика с иконой, и так же растерянно замерших прихожан. И группу поддержки из пяти или шести, радостно рванувшую следом за нами. Потом меня вынес-

ли за дверь и поволокли вниз по крыльцу, за ограду и далее по дороге, прочь, всё дальше и дальше от церкви...

Всё, как в первый вечер нашего знакомства. По крайней мере, в главном. Небо постепенно темнеет. Костерок горит. На очаге кипятится чайник. Я сижу, прислонившись к тополию, напротив меня Изя. Я дошёл. Сам. Изя шёл рядом и пару раз действительно поддерживал, когда я спотыкался. Малька тоже шла рядом и оказывала моральную поддержку. Сейчас она распласталась у входа в мою нору, положив голову на лапы, пристально наблюдает, как я подбрасываю ветки в огонь и рассказываю о своем неудачном походе. Изя внимательно слушает и качает головой.

— А потом ты меня нашёл.

— Да, — вздыхает Изя. — Добрые прихожане — они такие добрые прихожане... иногда бывают. Моя вина. Не подумал.

— А должен был?

— Должен. Меня позапозавчера тоже отсюда выставили. Не били, просто заставили уйти. Моя вина.

— Да ладно... Всего не предусмотреть. Кто ж знал, что эти гады...

— Должен был подумать, — продолжает сокрушаться Изя. — А прихожан прости. Пожалуйста.

— Ну, ты...

— Я очень тебя прошу. Прости. Будь милосерден. Не держи зла. Они не ведали, что творили.

— По-моему, били они вполне сознательно.

— Они думали, что защищают веру, которую ты оскорбил. Ошиблись. Не поняли.

— Может, у них вера неправильная?

— Верят они всё-таки в Господа. Я так думаю. Только вот понимают не совсем верно. Понимает-то каждый по-своему. Да, кстати... Ты загадку мою отгадал?

— Чего? — обалдеваю я. За сегодняшним сумбуром как-то совсем вылетело из головы, за чем я в церковь ходил. За этим ведь тоже.

Изя вздыхает.

— Что из имеющегося у тебя умножается, когда ты делишься этим с другими?

— Огонь, — неожиданно говорю я, вспоминая о свечах перед иконами.

— Здорово, — задумчиво произносит Изя после минутного молчания. — Очень хороший ответ. Я уложился в четыре слова, а ты в одно. Здорово...

— А твой ответ какой?

— Знание, вера, добрые чувства. А ведь ты прав, всё это — огонь души. Ты замечательный сомнитель, Андрей! Господь посылает тебе очень сильные прозрения. Истинно тебе скажу: ты скоро будешь с Ним. Только не сверни с пути своего.

Теперь молчу я. Перевариваю. Потом заявляю:

— Не пойду я больше в церковь. Лишний я там. Даже священник не заступился.

— Ты батюшку тоже прости. Он лишь человек. Не ожидал, растерялся. И потом, когда ты приходишь в храм — ты ведь не к батюшке приходишь, не к прихожанам. Ты к Господу приходишь. А остальное значения не имеет.

— Всё равно ведь не пустят. Раз даже тебя...

— Это верно, — соглашается Изя. — В этот храм мы ходить не будем, чтобы прихожанам грех не умножать. Но он же не единственный. Вон в Покровке, например.

Покровка, Покровка... знакомое что-то. Точно, занесло меня туда как-то по весне и по великой дурасти. Тридцать километров от города. В доперестроечные времена большое было село, со школой и приличным домом

культуры. А сейчас всё разваливалось. Пустые окна кирпичных коробок, с десятков жилых дворов да приезжающие на лето. И церковь...

— Так ещё большевики разорили.

— А мы восстановим.

— Вдвоём?!

— Втроём, — Изя тихонько чмокает. Малька моментально оказывается рядом и садится, привалившись к нему боком. Изя чешет её за ушами, Малька млеет. — А что? У нас вся жизнь впереди. И потом, я... думаю, что тот, кого распяли, — привычно спотыкается он, — тоже начинал вдвоём. Помнишь, как первого ученика звали? Тоже рыбак был, кстати.

Я качаю головой.

— Андреем. Правда, не по паспорту, пришлось наречь. А тебя и наречь не надо.

Игорь Георгиевич ПАНАСЕНКО

родился в 1958 году в посёлке Кукисвумчорр в Хибинах.

Окончил Ленинградский политехнический институт.

По образованию — инженер-радиофизик,

по жизни — программист.

Работает в Горном институте Кольского научного центра

Российской Академии наук.

Пишет стихи, прозу.

*Публиковался в поэтическом альманахе «45 параллель»,
сборнике «Сорок ступеней навстречу», журнале «Крещатик».*

Живет в Апатитах.

В журнале «Север» публикуется впервые.

